

«АДЛИГ ШВЕНКИТТЕН» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА: СЮЖЕТ, ЖДАВШИЙ ВРЕМЕНИ

Ю. Е. Павельева

ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына»

109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Москва, Российская Федерация up1469@yandex.ru

В статье рассматривается военная повесть А.И. Солженицына «Адлиг Швенкиттен». Подзаголовок произведения отражает ее жанровую специфику: «односуточная повесть» строится на событиях, происходивших в конце января 1945 г. в Восточной Пруссии. Непосредственным участником этих событий был автор, задумавший отразить их в художественном произведении. Сюжетные мотивы, позднее сформировавшие повесть, проявлялись в поэзии («Прусские ночи», «Дороженька») и прозе («Красное Колесо», «Август Четырнадцатого») Солженицына. Сопоставление фрагмента о ночном передвижении войск, представленного в носящих мемуарный характер «Очерках изгнания» («Угодило зернышко промеж двух жерновов»), с повестью «Адлиг Швенкиттен» актуализирует проблему трансформации текста, вариативности художественного описания событий, пережитых автором.

Ключевые слова: Александр Солженицын; военная проза; сюжетная специфика; односуточная повесть; очерки изгнания.

“ADLIG SCHWENKITTEN” A.I. SOLZHENITSYN: A PLOT THAT WAITED TIME Yu.E. Paveleva

State Budgetary Educational Institution of Moscow “House of Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn”

109240, Moscow, st. Nizhnyaya Radishchevskaya, 2

Moscow Russian Federation up1469@yandex.ru

The article deals with A.I. Solzhenitsyn's war novella “Adlig Schwenkitten”. The subtitle of the work reflects its genre specificity: “a story about one day” is based on the events that took place in East Prussia at the end of January 1945. A direct participant in these events was the author who intended to reflect them in a work of fiction. The narrative motifs that later formed the story, manifested themselves in Solzhenitsyn's poetry (“Prussian Nights”, “Dorozhenka”) and prose (“Red Wheel”, “August of the Fourteenth”). In “Sketches of Exile” (“A grain fell between two millstones”) presents a fragment about the night movement of troops. The comparison of the memoir “Sketches...” with the story “Adlig Schwenkitten” actualizes the problem of text transformation, variation of artistic description of the events experienced by the author.

Keywords: Alexander Solzhenitsyn; military prose; plot specificity; one-night novella; essays of exile.

По свидетельству А.И. Солженицына, события одних январских суток 1945 г., разворачивавшиеся в Восточной Пруссии, давно просились на бумагу, но по разным причинам работа над военной повестью постоянно откладывалась. Об этом можно узнать из «Очерков изгнания». В первой части произведения совсем иной, нежели повесть, жанровой специфики, «Угодило зернышко промеж двух жерновов», приводятся воспоминания автора: «А ночь была – незабываемая, она и сейчас стоит как живая. И сколько раз я порывался ее описать: сперва, еще в лагере, четырехстопным хореем, продолжением, “Прусских ночей”, и уже написал кое-что, но не сохранил, и из памяти стерлось. И потом – в ссылке начинал, в прозе, но другие сюжеты выдвигались важнее, так никогда и не собрался. А все особое чувство, какое к Восточной Пруссии возникло, – улилось в, “Август”. И осталась та ночь только в прорезанной памяти» [10, с. 122]. И только в самом конце XX в. Солженицын смог осуществить свой замысел: создать художественное переосмысление той «незабываемой» ночи. «Адлиг Швенкиттен. Односуточная повесть» была создана в 1998 г. и относится к поздней прозе писателя.

Несмотря на то, что к описанию событий Солженицын приступил спустя более полувека, прусская деревня, давшая название повести, представляется той точкой в памяти писателя, которая не давала забыть о себе, а поэтому так или иначе сюжетные мотивы, позднее сформировавшие повесть, проявлялись в других произведениях Солженицына: и в прозе, и в поэзии. Это «Прусские ночи» в двух вариантах: как отдельная поэма и как глава поэмы «Дороженька» (период создания – 1947– 1953 гг.); это главы, посвященные самсоновской катастрофе в масштабной эпосе «Красное Колесо» (Узел I. «Август Четырнадцатого» (1969– 1971 гг.); глава «Сквозь чад» из первой части «Очерков изгнания» (эта часть датируется 1978 г.).

О том, какую роль в жизни и творчестве Солженицына сыграло «все пережитое им на восточно-прусской земле», писал Л. Амберг, отмечая, вслед за писателем, связанные с Восточной Пруссией произведения: «К этому относятся поэма “Прусские ночи”, “прусские места”, “Архипелага ГУЛАГа”, первая пьеса трилогии, “Пир победителей” и повесть “Адлиг Швенкиттен”...» [1, с. 146]. По мнению Л. Амберга, «Восточная Пруссия становится – употребляя термин писателя, – “узлом”, своего рода биографическим и творческим хронотопом. Представляется, что его “восточно-прусские” произведения отражают главные художественные и ценностные координаты писателя и гражданина-публициста Солженицына» [1, с. 147].

Понятие «узел», используемое Солженицыным, отражает жанровую специфику его произведений. Как указал А.С. Немзер, «“Узел” для Солженицына – это временная точка, из которой история может двигаться по разным траекториям» [3, с. 613], т.е. такая временная точка, когда еще возможны разные движения истории. «Узел» организует «повествование в отмеренных строках» – «Красное Колесо», книгу, которую Солженицын определял как главный труд своей жизни. В интервью, которые он давал о романе-эпопее, речь шла в том числе и о Восточной Пруссии. Так, интервью, данное в Кавендише 31 октября 1983 г. Б. Пиво, писатель отметил: «...я задумал эту эпопею до войны, избрал Восточную Пруссию, избрал самсоновскую катастрофу, – и вдруг, волею судьбы, я в эту, свою войну пошел точно по тем местам: как шла самсоновская армия, так и я прошел в 1945 году» [8, с. 176]. А спустя несколько лет, отвечая на вопрос Д. Эйсмана, корреспондента журнала «Тайм»: «*Выбрали битву в Восточной Пруссии – и потом сами туда попали?*», – Солженицын ответил: «Да, это поразительно. Я выбрал в 1937 году самсоновскую катастрофу, а в 1945 попал точно в те места в Пруссии, с нашими войсками» [9, с. 336]. Приведенные свидетельства убеждают, что тот глубокий след, который Восточная Пруссия оставила в душе писателя, основывается на сильном эмоциональном переживании. И эта эмоциональная наполненность позднее сформирует лирический фон повести «Адлиг Швенкиттен» – произведения, безусловно, эпического. Соединение в повести двух начал: эпоса и лирики – составляют ее жанровую специфику, равно как и система субъектов повествования [см.: 5, с. 190–198] и хронологические особенности, о чем заставляет задуматься уже название повести, заголовок которой указывает на пространственные, а подзаголовок – на временные координаты, а само произведение разделено на 24 главы, по числу часов в сутках [см.: 4, с. 29–39].

Часто произведения Солженицына имеют автобиографическую основу. И в повести «Адлиг Швенкиттен» даже можно найти персонажа, прототипом которого является писатель. В комментариях это отметил В.В. Радзишевский, сделав однозначный вывод о «литературном двойнике автора» [см.: 6, с. 656]. Наличие прототипов у литературных героев Солженицына отмечали разные исследователи. Так, Ян Бай и Н.В. Сорокина выводят на этой основе определенную формулу: «Писатель поместил героев, многие из которых имели реальных прототипов, в определенные исторические условия, обрисовали их поведение и образ жизни» [11, с. 24].

О документальной основе военных произведений Солженицына писал В.А. Мазаев, основываясь на собственных архивных изысканиях: «Оперативные документы: боевые донесения, журналы боевых действий и схемы боевых порядков... дают представление о фактической стороне событий, описанных в таких военных произведениях А.И. Солженицына, как “Желябугские Выселки” и “Адлиг Швенкиттен”» [2, с. 120]. Архивные

материалы подтверждают значимость фактологической основы солженицынских произведений, при этом стоит отметить, что создание литературного произведения обусловлено художественным преобразованием документального материала, несомненно, важного и ценного.

О связи военной повести и мемуарных очерков писал комментатор художественного произведения В.В. Радзишевский: «Повесть опубликована вместе с рассказом “Желябугские Выселки” в журнале “Новый мир” (1999. № 3. С. 30–55). Об обстоятельствах, легших в ее основу, А. С. рассказал в своих записках – в главе “Сквозь чад” (первая публикация – Paris: YMCA-PRESS, 1979. 60 с.), которая была напечатана в России месяцем раньше повести (Угодило зернышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания // Новый мир. 1999. № 2. С. 122–124...)» [6, с. 655].

Январская ночь под Адлигом и то «особое чувство», которое она оставила в душе писателя, дважды предельно открыто описано в главе «Сквозь чад» в 1-й части «Очерков изгнания». Мемуарист описывает движение эвакуационной колонны, которую он замыкает, и определяет «главное ощущение той ночи: своего пребывания на земле, а совсем не привязанности к ней, легкое тело, одолженное нам лишь временно, и осветленная прогулка по призрачным местам, куда нас заносит случай, а всякую минуту вот мы готовы и отлететь» [10, с. 123]. Далее следует описание главных событий, где «беззвучное нападение большой массы на наш левый звукопост» [10, с. 123] стало началом боевых действий. В финале этого отрывка описывается состояние человека, находящегося под обстрелом. И автор вновь отмечает: «...но опять было то же ощущение: одолженного, временного, не обязательного тела, и острота чувств, которая не страх, но та нерядовая острота, когда глотаешь опасность – а в мыслях проносятся, проносятся разные картины прожитой жизни» [10, с. 124].

При сравнении откровенного лиризма воспоминаний, приведенного фрагмента, написанного в 1978 г., и якобы скрытого лиризма повести, написанной позже этой части мемуаров на 20 лет, становится очевидным направление трансформации художественного текста. «Острота чувств» мемуариста формирует основные мотивы и образную структуру военной повести. Благодаря незабытым ощущениям, лирическое начало активно проникает в повествование. «Картины прожитой жизни», пронесившиеся в мыслях участника сражения под деревней Адлиг Швенкиттен, становятся важным структурным компонентом повести, едва ли не обязательным элементом при описании ее разных героев [подробнее об этом: 4, с. 29–39; 5, с. 190–198].

Жанровое своеобразие военной повести Солженицына, помимо специфики хронотопа и соединении лирического и эпического начал, отмечено спецификой мотивов, среди которых выделяется мотив тишины.

Тишина упоминается в главе «Сквозь чад» мемуарных «Очерков изгнания», как это видно из приведенного выше отрывка. Здесь описание тревожной тишины связано с необдуманым наступлением: «Такой порывистый наш мах к Балтийскому морю, край отрезанных немцев загнулся, исчез, и наступила пустотная тишина» [10, с. 122]. И далее отмечается тишина, такая удивительная при описании боя: «Прометились пятна беззвучных пожаров – то слева, то справа от нас, клещами, а тишина – все та же редкостная повсюду, и в Дитрихсдорф никто не шел» [10, с. 123].

В повести «Адлиг Швенкиттен» тишина становится тревожным и трагическим лейтмотивом. Этот мотив возникает в самом начале произведения в связи с горькой и глупой гибелью солдат, отравившихся метиловым спиртом: после их похорон мимо «затихшей солдатской кучки» проходит командир огневого взвода 6-й батареи лейтенант Гусев, который хотел произнести речь над могилами погибших, но не смог: «Гусева вынесло к могилам, на два шага вперед. Хотелось – не так, хотелось – эх!

А речь – не высекалась. И только спросил сжатым горлом:

– Зачем же вы так, ребята? Зачем?» [7, с. 490].

Затем мотив тишины появляется в своем обманном, если не искусительном виде: «А какой подъем от Победы!

И от тишины, глухоты, – все это тоже знаки Победы» [7, с. 493].

Но не все оглохли от опьяняющей близости победы. Опасность, таящуюся в тишине, прозревает командир 2-го дивизиона майор Боев (в авторском посвящении указаны два майора: Павел Афанасьевич Боев и Владимир Кондратьевич Балув [7, с. 487]) и предупреждает об этом своих товарищей, причем в повести, как и в мемуарах, соединяются зловещая тишина и пустота: «Вышел Боев наружу. Мутнела пасмурная ночь, прибеленная снегом. Висела отстоянная тишина. Полная. Сверху снежка больше не было.

<...>

– А все ж таки понимай, ребята: вот такая тишина, и такая пустота – это может быть очень, очень серьезно» [7, с. 498].

В повести тишину в разных обстоятельствах отмечают едва ли не все герои произведения. Вот командиру 1-го взвода старшему лейтенанту Павлу Петровичу Кандалинцеву и командиру огневого взвода 6-й батареи лейтенанту Олегу Гусеву как будто подарен неожиданный отдых и – «Тишина-а-а» [7, с. 500] с тремя растянутыми буквами «а» в написании отмечена накануне внезапного боя.

Далее в повести – фрагмент, где тишина была нарушена: «Четыре пушки-гаубицы 6-й батареи вытянулись из Кляйн Швенкиттена, рычаньем своих тракторов нарушая все ту же полную тишину вокруг» [7, с. 513]. Капитан

Евгений Топлев, начальник штаба, отмечает тишину уже после сообщения о том, что «левый звукопост захвачен немцами» [7, с. 518]: «Не стало видно ни вперед, ни в бока, все полумуть какая-то <...>

А – тихо. И танкового гула не слышно.

Слушал, слушал. Не слышно.

Должно обойтись» [7, с. 519].

Но, как становится понятно из дальнейшего повествования, – не обошлось:

«– Товарищ капитан! – глухим голосом зовет телефонист, где примостился в снях. – Вас комдив.

Взял трубку.

Боев – грозным голосом:

– Топлев! **Нас тут окружают!** Готовь оборону!

И еще, зная, клапана на трубке не отпустил – услышался выстрел, выстрел!

И – все оборвалось. Больше нет связи» [7, с. 519].

Уже после неожиданного боя, когда приехали бригадные начальники, чьи просчеты стали причиной гибели многих солдат и офицеров, вновь возникает мотив тишины: «Спустя часок – от Либштадта, сзади, подкатило две легковых. На переднем, трофейном “опель-блице”, – помначштаба бригады – майор, начальник разведки бригады – майор, еще из штаба помельче. Верить не могли: вот за эти несколько часов? со вчерашнего тихого вечера? и – такое произошло?» [7, с. 525].

Финальный эпизод развития мотива тишины связан с еще одной трагедией войны: убийством перебежчика, сообщившего о возможном нападении немцев. Его застрелил приехавший разбираться «бригадный СМЕРШ майор Тарасов», понявший, как и все другие проверяющие, что «еще и сейчас тут горелым пахнет»: «Привели к Тарасову перебежчика...

– Ком! – указал ему Тарасов резким движением руки.

И повел за сарай.

Шел сзади него и на ходу вынимал ТТ из кобуры.

А за сараем – сразу два выстрела.

Они – тихие были, после сегодняшней громовой ночи» [7, с. 525].

Финальные слова основной части повествования – «сегодняшняя громовая ночь» – вновь открывают опасность и обман тишины.

Развитие мотива тишины можно увидеть и в эпилоге, отделенной от основного повествования части (описанные здесь события выходят за рамки одних суток и отмечают более широкий временной пласт: февраль и март 1945 г., а также послевоенное время). Уже были найдены погибшие, упомянуто об их погребении, принято решение о награждении. Но здесь мотив тишины трансформируется в мотив забвения. Награда погибшему

майору Боеву где-то затерялась: «Спустя многие дни, уже в марте, подали наградную и на майора Боева – Отечественной войны 1-й степени. Удовлетворили. Только ордена этого, золотенького, никто никогда не видел – и сестра Прасковья не получила» [7, с. 527–528]. И эта горечь подчеркивается финальными строками повести, обращенными к майору Балуюеву, где тема исторического забвения представляется поистине звенящей тишиной: «Тоже и командир стрелковой дивизии в своих послевоенных мемуарах – однодневного комполка майора Балуюева не упомянул.

Провалился, как не был» [7, с. 527–528].

Односуточная повесть Солженицына «Адлиг Швенкиттен» заставляет задуматься о том, какие изменения претерпевает текст, посвященный событиям, ранее отраженным в мемуарах, какова вариативность художественного описания событий, пережитых автором.

Жанровая специфика повести «Адлиг Швенкиттен» представляется весьма разнообразной, одним из способов ее определения является рассмотрение мотивной структуры произведения, при этом важно определить основные мотивы, одним из которых является мотив тишины. Обращение к этому мотиву позволяет определить лиризм эпического произведения, его философскую наполненность, мировоззренческие первоосновы творчества писателя.

Библиографические ссылки

1. *Амберг Л.* Скрещение судеб. О роли Восточной Пруссии в жизни и творчестве А.И. Солженицына // Александр Солженицын: взгляд из XXI века: Материалы междунар. научн. конфер., посвящ. 100-летию со дня рождения. Москва, 10–12 декабря 2018 г. М.: Русский путь, 2019. С. 146–155.
2. *Мазаев В.А.* Солженицын на войне: новые документы и факты // Александр Солженицын: взгляд из XXI века: Материалы междунар. научн. конфер., посвящ. 100летию со дня рождения. Москва, 10–12 декабря 2018 г. / Сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2019. С. 120.
3. *Немзер А.С.* Проза Александра Солженицына: Опыт прочтения. М.: Время, 2019.
4. *Павельева Ю.* Пространство и время в повести Александра Солженицына «Адлиг Швенкиттен» // Acta Polono-Ruthenica. 2021. № 3 (XXVI). P. 29–39.
5. *Павельева Ю.Е.* Голос автора в односуточной повести А.И. Солженицына «Адлиг Швенкиттен» // Гугнинские чтения: электронный сборник статей I Междунар. научн. конфер., Полоцк, 5–6 мая 2022 г. / Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой. Новополоцк, 2023. С. 190–198 // URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/38197> (дата обращения 30.04.2024).
6. *Радзишевский В.В.* Комментарии // Солженицын А. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 1. М.: Время, 2006. С. 656.
7. *Солженицын А.И.* Адлиг Швенкиттен // *Солженицын А.И.* Собр. соч. в 30-ти тт.

- Т. 1. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. С. 487–528.
8. *Солженицын А.И.* Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения // *Солженицын А.* Публицистика: В 3-х т. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. С. 163–193.
 9. *Солженицын А.И.* Интервью с Дэвидом Эйкманом для журнала «Тайм» (23 мая 1989) // *Солженицын А.* Публицистика: В 3-х т. Т. 3. Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. С. 321–344. 10. *Солженицын А.И.* Угодило зернышко промеж двух жерновов // Новый мир. 1999. № 2. С. 67–140.
 11. *Ян Бай, Сорокина Н.В.* Пространственно-временные координаты событий в малой прозе А.И. Солженицына // Вестник Томского государственного университета. Филологические науки и культурология. Языкознание. 2015. Вып. 1. С. 24.